

Савинова Н. А.

*Научно-исследовательский институт
информатики и права Национальной
академии правовых наук Украины, и.о.
заведующего отделом правовых проблем
информационной безопасности, д.ю.н., с.н.с.*

АВТОНОМИЯ ВОЛИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ПОПЫТКА ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

*«Ведь сколько же раз я говорил вам,
что основная ваша ошибка заключается в том,
что вы недооцениваете значения человеческих глаз».*

М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита

История правовой рефлексии опасности посягательств на автономию воли берет начало от Древнего Вавилона (законы Царя Хаммурапи, §9, §§ 66-95) [1, с. 35] и Древней Индии (Законы Ману) [2, с. 79]. Потребность в общении, как природная потребность человека, обуславливает необходимость осуществления коммуникаций, но преимущественно воздействие на волевой аспект в процессе коммуникаций является неконтролируемым субъектом. В информационном обществе, породившем как новые способы и системы социальных отношений, так и возможность отдаленного деперсонифицированного, опосредованного, зачастую безэмоционального общения с использованием дистанционных коммуникаций, благодаря возникновению последних актуализировались угрозы влияние на сознание человека, прежде всего направленные на подавление автономии воли.

Оценивая сегодня уязвимость автономии воли субъекта, следует понять ее сущность и значимость ее подавления / поражения в системе виктимогенных факторов, обратить внимание на ее особую ценность и одновременно уязвимость под воздействием особенностей дистанционных коммуникаций, характерных для современного общения любого рода.

Свободу воли либеральная философия относит к категории ценностей, исходя из направленности мыслительного процесса к причинам решений и действий, осмыслению ценностей, ставших причинами таких явлений: «свободе выбора целей и отношений как существенных компонентов отдельного благосостояния» [3, р. 369]. В то же время, автономия воли есть качество «в котором общество должно оценить и защитить свободу личности» [4].

Как указывает С. Уоллс «автономная жизнь – та, в которой человек строит свой собственный жизненный курс, создавая его характер, выбирая проекты и принимая обязательства со стороны широкого диапазона имеющихся альтернатив и формируя свою жизнь согласно своему собственному пониманию того, что ценно и что стоит делать. Описанная таким образом автономия – это отличительный идеал, который относится к целой жизни человека или к большим отрезкам его жизни» [5, р. 307-308].

По сути, исключительно автономия воли человека позволяет «свободно направлять курс своей собственной жизни» [6, р.19], при этом, оставаясь в рамках социума, поскольку, в автономии воли проявляется сочетание личных и общественных интересов [7, с. 25-26]. Именно посредством анализа автономии воли, по мнению Э. Гидденса, мы обретаем возможность постижения субъекта: «мы не смогли бы понять механизмы индивидуальности в отрыве от рутины повседневности, в которой существует и которую производит и воспроизводит человек» [8, с. 111] вне рефлексии автономии воли. И, в то же время, лишь обладая автономией воли «человек может творить новую жизнь общества и мира» [9, с. 325].

По праву заслуживает особого внимания утверждение А. Н. Марченко в отношении автономии личности [автономии воли личности, Н.С.] «как формы проявления индивидуальности, обладающей экзистенциальной неповторимостью и способностью свободной самореализации в системе социальных взаимодействий» [10]. Такая оценка заслуживает внимания и оценки виктимологических практик, как минимум с позиций определения снижения автономии воли вследствие воздействия внешних нега-

тивных влияний, в частности - дистанционных коммуникативных воздействий [11, с. 2, 6-7, 26-27], требующих той или иной степени комфортности.

В условиях взаимодействия личности и общества «общепринятые права и свободы, формально гарантирующие независимость индивида, имеют свою оборотную сторону - обязательность подчинения установленному порядку, зависимость внутреннюю, в основе которой лежит ориентация на других. Являясь величиной относительной, степень конформности, как регулятор поведения индивида, зависит от тех норм и правил, давлению которых он вынужден подвергаться» [12, с. 121]. Вследствие этого, автономия воли становится уязвимым звеном, подвергающимся наиболее преобразованиям, подчиняющимся общим правилам, традициям, условностям, зачастую мнимым, фиктивным или незначительным, а порой - влияющим на возможность самостоятельных оценок и принятия решений.

С. Уоллс, говоря о понимании силы автономии воли, подчеркивает необходимость наличия у человека четырех групп качеств: 1) возможности сформировать сложные намерения и выдержать обязательства; 2) независимости, необходимой, чтобы наметить собственный курс на всю жизнь и развить свое понимание того, что ценно и что стоит сделать; 3) чувстве самосознания и решительности, необходимых, чтобы взять под свой контроль все свои дела; 4) доступе к окружающей среде, которая обеспечивает человека широким диапазоном ценных возможностей. При этом элементы (1) и (3) относятся к умственным способностям и достоинствам. Элемент (2) – к отношениям с другими людьми, которые помогли бы осуществить власть над ним. Элемент (4) относится к окружающей среде, в которой он живет» [5, р. 308]. Следовательно, *автономия воли полностью пребывая в сфере субъективных факторов, в позициях (2) и (4), как контрагентов позиций (1) и (3), прямо зависят от отношений с иными людьми (группами) и с внешним миром (обстоятельствами).*

Исходя из теории порождения кризисных ситуаций «взаимодействием преступности, виктимности и иных факторов в кон-

кретных исторических условиях» [13, с. 46], оценка силы отдельных элементов автономии воли становится ключевой. При этом, существенным подспорьем в анализе утраты автономности воли личности под воздействием (ири пероед лицом?) преступности, есть оценка М. Хайдеггером «реальности» как «сопротивляемость» [14, р. 207]. Итак, личная сопротивляемость, как реальность, исходя и соотносения ее с позициям (2) и (4) в конструкции силы автономности воли, *прямо зависима от отношения с внешними факторами, и степень отклонения в сторону снижения автономности зависима от сопротивляемости личности.*

Однако, *дистанционная коммуникация, как персонализированная, так и массовая, в силу отсутствия непосредственного эффекта присутствия, в большинстве случаев, лишена эмоциональной окраски (сетевое общение), визуального наполнения (телекоммуникации), а также может быть направлена на создание ложных аудиовизуальных представлений субъекта (медиа). Отсутствие определенных компонентов в дистанционной коммуникации, необходимой для восприятия сознанием, вследствие чего оценка реальность (сопротивляемость!) существенно снижается. В этих условиях и происходит принятие решений или совершения определенных действий.*

В контексте анализа наличествующих «зависимостей» от дистанционных коммуникаций (дистанционных социальных коммуникаций всех видов: медиа, телекоммуникации, Internet), определение уровня таких зависимостей целесообразно рассматривать с опорой на теорию У. Литтлвуда, разделяющей «превентивную» и «реактивную» автономию воли. В соответствие с данной теорией, основанной на двух уровнях саморегуляции, первый уровень ее «регулирует руководство деятельности так же, как и саму деятельность», в то время как второй «регулирует деятельность, как только было установлено направление деятельности» [15, р. 75]. Следовательно, *воздействие дистанционных коммуникаций на волевую сферу может осуществляться как в отношении вступления в собственно дистанционные коммуникации, так быть управляемым ими.*

С позиций трехуровневой системе стратегий обеспечения личной безопасности от преступных посягательств (стратегия избегания, стратегия переговоров и стратегия действия), А. М. Кришталюком и С. Ю. Маховым разработана следующая формула: «СТРАТЕГИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ = быть готовым + предвидеть + оценить + при возможности избегать + при необходимости действовать» [16, с. 105, 108]. Эта конструкция, вероятно, применима к виктимологическим профилактикам в условиях постоянных массовых медиа и сетевых воздействий, а также персонализированных телекоммуникационных воздействий дистанционных коммуникаций в современном мире.

Итак, вопрос заключается лишь *в силе воздействий на автономию воли и способность личности к сопротивлению. Прева-лирование одного над другим - есть грань автономии.*

С позиций восприятия преступности и виктимности как диады [17, с. 4] в частности в конструкте обмена информацией, *при подавлении дистанционной коммуникацией автономии воли, неспособность субъекта противостоять таким воздействиям, следует оценивать как фактор виктимности. Факторы «домысливания» пробелов и недостатков эмоциональных компонентов в дистанционных коммуникаций являются катализаторами процесса втягивания в коммуникацию, и, очевидно, усиления воздействия, в т.ч. манипуляции сознанием.*

1. *Законы Хаммурапи, Царя Вавилона (1792-1750 гг. до н.э.) // Практикум по истории Древнего мира; сост. Н.Л.Просина, И.С.Свенцицкая . - М., 1975.*
2. *Законы Ману // Практикум по истории Древнего мира. Вып. 1. Древний Восток. М., 1981.*
3. *Raz J. The Morality of Freedom. Oxford, 1986, 435 p.*
4. *Привалова Ю.В. Автономия личности в контексте образования // www.teoria-practica.ru/-11-2013/pedagogics/privalova.pdf*
5. *Wall S. Freedom as a political ideal // Autonomy / edited by Paul E.F., Miller F.D., Paul J. Cambridge, 2003, P. 307-334.*
6. *Young R. Personal Autonomy: Beyond Negative and Positive Liberty. London, 1986, 123 p.*
7. *Советское гражданское право. Ч. 1. / отв. ред. В.А.Рябенцев. - М., 1986. - с.25-26.*

8. Гидденс Э. *Устроение общества. Очерк теории структуризации*. 2-е изд. Москва: Академический проект, 2005. - 528 с.
9. Бердяев Н. А. *Царство духа и царство кесаря. Опыт персоналистической философии*. М.: Республика, 1995. - 383 с.
10. Марченко А.Н. *Автономия как способность выхода человека за пределы институциональной культуры* // <http://www.online-science.ru/userfiles/file/lxorigguutcp1lfn4niyak1yjgkpbс4.pdf>
11. Савинова Н.А. *Кримінально-правова політика забезпечення інформаційного суспільства в Україні: автореферат дис. докт. юрид. наук 12.00.08*. - Львів, 2013. - 40 с.
12. Кузьменкова Ю.Б. *Отражение доминантных черт культуры в стратегиях англоязычных коммуникаций: дис. д-ра культуролог. наук*. М.: МГУ, 2005.
13. Vyacheslav A. Tuliakov. *Victimology: (social & criminological problems)*. - Odsessa: Juridichna literature, 2000, 336 p.
14. Heidegger M. *Life and time*. М, «Ad Marginem», 1997. 452 p.
15. Littlewood W. *Defining and developing autonomy in East Asian contexts* // *Applied Linguistics*. 1999. 20 (1). P. 71–94.
16. Кришталюк А.М., Махов С.Ю. *Стратегия личной безопасности // Автономия личности*. - 2011. - № 1. - 105-109.
17. Туляков В.О. *Вчення про жертву злочину: соціально-правові основи: Автореферат дис. докт. юрид. наук 12.00.08 / В.О. Туляков*. - Одеса, 2001. - 36 с.